

TRACTOR BOWLING

ОБРЕЧЕННЫЕ

Владимир Еркович

Обреченные

«ИТРК»

2016

УДК 82-94
ББК 84-9

Еркович В. А.

Обреченные / В. А. Еркович — «ИТРК», 2016

ISBN 978-5-88010-394-2

На примере группы TRACKTOR BOWLING показана история альтернативного рок-движения в России, начиная с самого его зарождения. Описан этап становления культуры, ее расцвет и последующий переход в разряд культа для тех, кто понимает. Книга для тех, кто интересуется сутью вещей в российской музыке. История TRACKTOR BOWLING в полной мере показывает, что из себя представляет жизнь рок-группы, живущей за пределами эфирных телеканалов и радиоформатов.

УДК 82-94
ББК 84-9

ISBN 978-5-88010-394-2

© Еркович В. А., 2016
© ИТРК, 2016

Содержание

Intro	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Еркович

Обреченные

© Еркович В.А., 2016

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2016

Intro

3 октября 2015-го. Маленькая комната без окон, не больше шести квадратов, кишит людьми. Одни приходят, другие уходят. Одновременно здесь находятся от трех до пятнадцати человек. Как морские волны, люди наполняют и освобождают небольшую гримерку московского клуба RED. Перекладина у стены плотно завешана куртками, на полу хаотично разбросаны сумки и рюкзаки.

– Где бутерброды? Дайте пожрать! – Мульти делает большой глоток холодного «Хольстена».

– Мужчины, включайте логику, бутерброды в холодильнике! Е-мое! – отвечает Лу, продолжая расчесываться перед широким, во всю стену, зеркалом.

– Э-э-э. Я бы попросил! – Мульти достает из небольшого холодильника вспотевший бутерброд с сыром и вымывается из гримерки, подчиняясь необъяснимому закону приливов и отливов.

На небольшом светлом диване сидят двое: Степан и Кондрат. Для одного это первый сольный концерт в составе группы, другой стоял у истоков и видел всех музыкантов, когда-либо игравших в TRACKTOR BOWLING. Степа нервно отбивает дробь по коленям, Кондрат – само спокойствие. Откинувшись на спинку дивана, он попивает вишневый сок из пластикового стаканчика. По его виду вообще не понятно, что он чувствует.

Эй, народ! Осторожнее там с дверью! Басуху не сбейте! – Вит кладет свой объемный рюкзак на пол так, чтобы дверь гримерки не могла достать до его гитары, стоящей у стены.

Выступление TRACKTOR BOWLING в клубе RED было запланировано едва ли не за год. Повод для выступления тоже серьезный – презентация нового альбома после пятилетнего перерыва. Последние три года группа практически не существовала, но официально вроде как не распадалась. Музыканты назвали это «творческим отпуском», хотя обычно это и означает развал группы. Никто не верил, что они соберутся вновь, но они все-таки собрались и записали новый альбом с символическим названием «Бесконечность». Сегодня московская презентация.

Люди продолжают приходить и уходить. Приливы и отливы в гримерке сменяются волнами и круговоротами. Заходит оператор, достает аккумулятор из сумки на полу и уходит. Девушка-фотограф делает несколько снимков. За это время персонажи в помещении сменяются еще несколько раз. Атмосфера как на свадьбе, где люди не всегда знакомы друг с другом. Так любой может зайти, взять что-то и уверенно выйти. Каждый из присутствующих подумает, что это чей-то знакомый, тоже задействованный в подготовке концерта.

– Где Люда? Я же просила распечатать мне тексты всех песен! Тут двух не хватает! – кричит Лу, перебирая листы А4. Новые тексты всегда приходится учить на первых концертах. В студии не до того.

– Там человек из Rolling Stone, можешь пообщаться? – заходит в гримерку Ксения Зацепина, пиарщица группы.

– Я как-то не рассчитывала на интервью.

– Да там даже не интервью, а скорее комментарий.

– Давай, заводи. Я же могу общаться и краситься одновременно? – соглашается Лу, выдавливая на пальцы тональный крем.

Пока парень из журнала пытается вокалистку, остальные выходят в коридор.

– У нас обязательно должна быть запись мультитрекком! – давит Кондрат на чувака с загадочной аббревиатурой PZDC на куртке.

– погоди, мужик, я в переписке говорил, что будет запись общего звука с пульта. Все согласились.

– Кто согласился? Я не соглашался! Это обязательное условие!

– Слушай, Саня, ну мы же не концертный альбом пишем. Должно неплохо получиться, для видео хватит, – Вит сглаживает обстановку.

Тридцать минут до выступления.

В относительно пустую гримерку заходит Илья Островский. Его компания Strova Media выступает организатором этого концерта. У него сегодня еще выступление Infected Mushroom в другом клубе, но он все же заехал ненадолго в RED.

– Просто решил отдать честь старой гвардии, – говорит Илья, пожимая руку Виту.

Островского вымывает из гримерки, и она снова наполняется людьми и гулом, который уже не стихает. Уже чувствуется, что развязка близка.

– Я прошу покинуть гримерку всех, кроме участников группы! – директор TRACKTOR BOWLING Антон Дьяченко поднимает кверху обе руки. Жест школьного учителя, которым можно разом усмирить до тридцати подростков.

Сакральный жест и громкий командный голос дают свой эффект. Лишние выходят, и в гримерке действительно становится тише.

Двадцать минут.

Уже никто не смеется и не шутит. Если улыбки и проскакивают, то какие-то натянутые. Кажется, что нервяк каждого передается по кругу и закольцовывается, уплотняя атмосферу в помещении. Даже дышать становится как-то тяжелее.

Перед концертом было продано около девятисот билетов. Со входа по рации передали, что прошли чуть более шестисот человек. Есть опасение, что к началу концерта не все успеют войти, но и сильно затягивать нельзя. Организаторы поставили четкий лимит по времени, а резать программу не хочется. Она сегодня большая, почти на два с половиной часа. Весь новый альбом «Бесконечность» и куча старых треков.

Десять минут.

В гримерке уже никто не сидит. Техники Ильяс и Нур помогают музыкантам закрепить за спиной провода от ушных мониторов. Степан похож на боксера перед чемпионским боем. Встряхивает руки, вращает тазом, поочередно разминает ноги, уперев носки в пол.

ТРАК-ТОР! ТРАК-ТОР! – слышится синхронное скандирование из зала.

Крики тысячной толпы заставляют вибрировать хлипкие стены гримерки. Воздух становится еще плотнее.

– ТРАК-ТОР! ТРАК-ТОР!

– У меня пришел бас, – говорит Вит, поправляя наушники.

– У меня там mute стоит, сходи, нажми любую кнопку на контроллере, – Кондрат отправляет Ильяса на сцену.

– ТРАК-ТОР! ТРАК-ТОР!

– Ксюша, надо запускать интро, оно идет пять минут! – нервничает Вит.

– У меня есть часы, – Зацепина не теряет спокойствия.

– ТРАК-ТОР! ТРАК-ТОР!

– Мы не успеем! – распаляется басист.

– Успеем!

– ТРАК-ТОР! ТРАК-ТОР! – крики нарастают.

Степан и Кондрат синхронно прыгают на носочках. Похоже, чемпионский бой предстоит обоим.

– ТРАК-ТОР! ТРАК-ТОР! – давление, идущее от зала, становится просто невыносимым.

Наконец, пошло интро. Скандирование стало стихать, послышались протяжные ноты выступления. Все спускаются по лестнице из гримерки к небольшому помещению за сценой.

Две минуты.

Собираются в круг. Музыканты, техники, директор – все протягивают руки, соединив их в центре и образовав подобие колеса.

– Трактор здесь? – выкрикивает Вит.

– Здесь! – вторит ему десяток голосов. Прожав центр колеса, они синхронно поднимают руки вверх.

Интро стихло. Наступила давящая тишина. Все.

Это море открыто для разных судов

Со всех направлений.

Корабли на причалах ждут свежих ветров

И модных течений.

Те, кто снял якоря и поднял паруса,

Покинули порт,

Веря в то, что однажды своею рукой

Сотрут горизонт.

Глава 1

В 1989 году в Советском Союзе все острее ощущалось начало конца. В магазинах уже пропадали продукты, сухой закон почти отменили, и люди стали пить еще жестче, чем раньше. В отечественной музыкальной среде тоже наблюдался полный беспросвет. В топе предпочтений советских граждан были композиции «Ласкового мая», Жени Белоусова и Валерия Леонтьева. А для советской рок-тусовки главным событием стал «Фестиваль мира», который прошел в августе на стадионе «Лужники». В течение двух дней перед полной поляной советских рокеров выступали Bon Jovi, Scorpions, Ozzy Osbourne, Motley Crue, Cinderella, Skid Row и отечественные группы: «Парк Горького», «Бригада С» и Nuance. Не самый тяжелый рок, но на сухом, выжженном культурном пространстве СССР этот концерт был подобен тропическому ливню. Сейчас об этом фестивале помнят немногие, просто советская пресса мягко утопила инфоповод. В газетах и на ТВ событие было отмечено лишь короткой новостной строкой. Слишком уж сильно Moscow Music Peace Festival выбивался за рамки совковой действительности. Власти испугались того, что неизменно происходит после таких мощных событий – необратимого переворота в сознании людей.

Так живет человек, вяло варится в своей каше, и кажется, что жизнь впереди имеет пусть мрачноватые, но привычные и понятные очертания. Есть шоссе и ограждения по краям. Человек идет туда, где дорога сливается с серым небом, и кажется, что по-другому быть не может. Но в какой-то момент ограждение рушится, и со стороны врывается порыв свежего воздуха. Настолько сильный и непохожий на все известное ранее, что глушит, сбивает с ног и туманит голову, как удар Ивана Драго. Это не легкий, пьянящий ветерок странствий, а настоящий ураган эмоций. Жесткий и дико крутой. Одни его пугаются и спешат отбежать в сторону от проклятой дыры в заборе, а для других он становится смыслом жизни и полностью меняет систему координат. В числе многих под замес урагана попала компания молодых парней из московского района Матвеевское. Среди них был и Александр Кондратьев, ставший впоследствии известным как Кондрат.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Я ничем полезным тогда не занимался. Тусовался, бухал, не пренебрегал разными наркотическими веществами. В конце восьмидесятых – начале девяностых меня окружали в основном музыканты, но сам я никогда не играл. У нас в Матвеевке было огромное общежитие, в подвале которого находилось несколько репетиционных баз. Там тусили все местные рокеры и я вместе с ними. Но если они пытались делать музыку, то я в основном пил. Все это продолжалось до тех пор, пока нам не снесло башню от концерта в «Луже». После этого мои друзья довольно оперативно, один за другим, свалили в Берлин по приглашительным визам. Кто-то даже подделал документы, чтобы уехать.

Рецепт счастья кондратовских друзей был прост. Уехать из Союза, оформить пособие по безработице (около пятисот марок) и жить на шее у немецкого государства. Тем более что недавно рухнула стена, Германия объединилась, и социальных ништяков для аферистов всех мастей стало намного больше. Чуваки поселились в сквотах, находившихся в Восточном Берлине. Это обычные панельные пятиэтажные дома, вроде наших хрущевок, самовольно занятые разными маргинальными элементами. Схема заселения очень простая. Приходишь, находишь свободную квартиру, прибираешься там, если хочешь, и живешь. Никто тебя не спросит, кто ты, на каком основании занимаешь жилплощадь, и вообще, есть ли у тебя право находиться в этой стране. Власти эти холупы не трогали, и некоторые из них даже существуют до сих пор. Эти дома выкупили какие-то филантропы, но сквоты разрушать не стали. Там и сейчас живут стареющие неформалы вперемешку с молодежью – такими же маргиналами, которые сбежали из дома в поисках творческой свободы, наркотиков и промискуитета.

Точно не известно, что подтолкнуло парней из Матвеевки отказаться от строительства коммунистического счастья и податься в братскую Германию, но одним из факторов, давших толчок к трансформации их мозгов, стал именно тот концерт в «Лужниках». А ведь это было еще до знаменитых «Монстров рока» в Тушино. Вот уж где взорвались головы у советских людей!

Так или иначе, практически вся компания Кондрата смазала лыжи и коллективно свалила за границу, а он продолжил тусоваться, привычно заливаясь дешевым алкоголем. Его план на жизнь ничем не отличался от планов друзей, променявших московские квартиры на берлинские сквоты. Юный Саша Кондратьев рассчитывал, что парни вышлют ему приглашение, и он уедет жить на бундес социале. Он получил это приглашение в девяносто третьем и даже собрал весь пакет документов, но уехать не успел. Можно назвать это провидением, судьбой, но скорее всего это была смерть. Преждевременная и глупая, она заглянула в его спальню.

Кондрат проснулся дома после бурной ночи, а может и суток жестких возлияний и приема веществ разной степени тяжести. Это как раз тот случай, о котором говорил Джон Сильвер, угрожая экипажу «Эспаньолы»: «Те из вас, кто останется в живых, будут завидовать мертвым». Он лежал на кровати в состоянии, близком к коме. Его органы отказывались работать, настройки организма сбились, он фактически умирал. Повезло, что в тот день мама была дома. Она вызвала скорую, и его доставили в больницу с диагнозом сильнейшей алкогольной и наркотической интоксикации.

После выписки из больницы с Кондратьевым случилось то, что крайне редко бывает с людьми, прочно вставшими на путь самоуничтожения. Его сознание перевернулось. Он понял, что больше не может пить. Кондрат, конечно, пытался сопротивляться, обмануть систему. Думал, что можно хотя бы по чуть-чуть. Все-таки страшно было так сразу, неподготовленным, окунаться в пугающий и неизведанный мир трезвых людей. Но организм перестал воспринимать алкоголь. К этому еще добавилась фобия опять превратиться в скрюченное тело, которое вот-вот отъедет насовсем.

В двадцать два года у Кондрата началась новая жизнь. Если твоим единственным досугом была алкоголизация и бесконечные замуты, а потом в один миг все исчезает, то это логично вводит в ступор. Ты просто не знаешь, что делать дальше. Это все равно, что человек, который всецело отдавался любимому делу, вдруг остался без работы. Он получил инвалидность и больше не может пахать на заводе. Не может вытачивать детали и протирать станок после смены. Привычный, понятный мир остался в прошлом. Выходить на улицу не было смысла. Там его никто не ждал, а если и встретиться со старыми друзьями, то непонятно было, чем с ними можно заняться. Они постоянно искали деньги, чтобы забухать, ждали дилера возле точки, в общем, весело проводили время. А Кондрат в такой компании был лишним. Общих тем для разговора и поводов для встреч не осталось. Он стал проводить все время дома. Делать было totally нечего. Об интернете тогда слышали только в Калифорнии, а телевизор предлагал несколько чрезвычайно убогих каналов. Жизнь зашла в тупик. Впереди только тлен и пугающая, черная неизвестность.

В какой-то момент ему на глаза попался самоучитель игры на акустической гитаре, оставшийся от старшего брата. Он просто взял акустику, открыл первый урок и начал играть упражнения, погружаясь в гаммы и аккорды. Так шло время, грустный Кондрат гонял упражнения из книжки и пробовал придумывать какие-то пассажи, похожие на то, что играли его любимые группы. Он даже толком не понимал, что играет. Нот не знал, слуха особого тоже не имел, ориентировался исключительно по точкам на грифе.

К этому времени его друзья уже обжились в Германии и начали при случае передавать кассеты с модным западным музлом, которого у нас еще никто не слышал. Периодически ему звонила чья-то мама и говорила: «Саша, тебе Юра передал кассеты, приди заведи». Так, через каких-то людей, которые ехали из Германии, к нему стали попадать новые записи.

Александр (Кондрат) Кондратьев

В один из разов мне передали две кассеты. На одной были Pearl Jam с альбомом Ten и Alice in Chains с Dirt, а на другой – Soundgarden с альбомом Badmotorfinger и Nirvana с культовым Nevermind. И записка была с рекомендацией: «Вот тебе несколько новых групп. Nirvana можешь не слушать, говно». Я, конечно, «Нирвану» послушал, но Soundgarden и Alice in Chains мне понравились больше.

Так продолжалось довольно долго, он сидел дома, что-то поигрывал, слушал музыку и старался ни о чем не думать. Тогда он в основном слушал гранжевые и хэви-металл группы. Это продолжалось до тех пор, пока он не посмотрел фильм «Судная ночь» (Judgment Night), в саундтреке к которому его любимые команды исполнили совместные треки с хип-хоп исполнителями. Biohazard играл с Оных, Slayer с Ice-T, а Faith no More с Boo-Yaa T.R.I.B.E. От этого Кондрату маленько снесло башню, его интересы сфокусировались на смеси тяжелой музыки и хип-хопа. Как называть эту музыку, пока никто не знал. На постсоветском музыкальном горизонте ничего подобного еще не было.

Кондрат тогда мало с кем общался. В числе этих немногих был Кларк, барабанщик известной в узких кругах панк-группы «АБІ». Они были знакомы еще с тех бурных времен, когда в спальню Кондратьева еще не постучал одноногий Сильвер с черной меткой в руке. Если копнуть глубже, то они вообще учились в одной школе № 814, но тогда еще не были знакомы, так как Кларк был на два года младше.

Константин (Кларк) Ковров

Я тогда играл в «АБІ», и наша группа переживала не лучший период. Ушел вокалист Саша Лазарев, а на его место взяли двух сестер Горчаковых, Соню и Катю. Но это уже было не то. Мне кажется, что они тогда больше хотели секса с парнями, чем заниматься музыкой. У нас были какие-то траблы с репетиционной базой, и один парень, не вспомню его имени, предложил нам бесплатно репетировать в общежитии университета гражданской авиации на Фестивальной улице, недалеко от «Речного вокзала». Когда мы приехали с этим чуваком к общежитию, нас там встретил темноволосый, приветливый парень. Натуральный грек Афанасий Банасиос. Он заведовал этой базой.

В общежитии Московского государственного технического университета гражданской авиации жили иностранные студенты. Поэтому факт того, что базой заведовал грек, никого не удивил. Более того, это даже казалось интересным. Так, без особых проблем группа «АБІ» прописалась в общежитии института.

Афанасий (Грек) Банасиос

У нас в общежитии был староста Коля, и он знал, что я до университета играл в группе. Он сказал, что тут есть музыкалка и что я могу там навести порядок и играть. Коля дал мне ключи, и это помещение полностью перешло в мое распоряжение. Там были какие-то старинные советские усилители, примочки. Поначалу мы с двоюродным братом, который тоже жил в этой общежитии, ходили туда просто тусоваться. Выжать из этого аппарата что-то было трудно. Я к такому оборудованию, конечно, не привык. Потом я познакомился с чуваком по имени Ярик, он организовывал дискотеки в университете и наводил какие-то движухи. Ярик сказал, что у него есть знакомая группа, и попросил меня пустить их к себе репетировать.

Грек к этому времени уже второй год жил в России и учился в МГТУГА на инженера вычислительных систем. Несмотря на то что приехал он из Греции и по-русски почти не говорил, родился Афанасий в СССР. В пятидесятых годах, спасаясь от гражданской войны, его бабушка и дедушка эмигрировали в Советский Союз. В Ташкенте родились его мама и папа, а в 1973 году и он сам. В конце семидесятых, когда из Союза уже начали потихоньку выпускать, его родители уехали обратно в Грецию. Но они сохранили веру в советскую систему образования и настояли на том, чтобы их сын поехал в учиться именно в Москву. Он тогда не интере-

совался ничем, кроме музыки, но все же послушался родителей и уехал в далекую Россию. Как показала история, приезд Афанасия Банасиоса в Россию в августе 1993 года сильно повлиял на жизни очень многих людей.

Греку, который в Москве пребывал в некоторой музыкальной изоляции, было интересно познакомиться с настоящей действующей группой (в России он пока ни одной такой не знал), тем более что парни обещали подогнать свой аппарат. С комбиками и ударной установкой комната стала походить на нормальную реп-базу. Так «АБІ» начали репетировать в подвешенной ему музыкалке, а он старался приходить на каждую их репетицию. Просто сидел и слушал. Особенно ему нравился барабанщик Кларк, самый молодой в группе. Они стали много общаться о музыке и вообще за жизнь, и через некоторое время Грек с Кларком начали играть вместе, без «АБІ», а с ними и Кондрат.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Ко мне пришел Кларк как обычно послушать нового музла и услышал, как я пиликал на гитаре. Ему понравилось, и он предложил мне попробовать поиграть с ним. А я тогда толком и играть-то не умел. Это предложение для меня было несколько волнительно, но я согласился.

Константин (Кларк) Ковров

Наши дела в «АБІ» меня уже в край достали. Все это было больше похоже на публичный дом, чем группу, которая хочет чего-то большего от этой жизни. Тем более я слышал, как играет Грек, он очень интересный гитарист. Я понял, что надо делать банду отдельно от «АБІ» и всего этого «Дома-2». Тогда я вспомнил про Кондрата. Уровень у него тогда был, конечно, очень слабый. Кроме того, у Сани была большая проблема. Он очень волновался и не мог играть, когда на него кто-то смотрит. Я буквально отворачивался, делал вид, что меня нет в комнате, и только тогда он мог что-то сыграть. Но я решил, что это пройдет, как впоследствии и получилось.

У Кондрата не было ни электрогитары, ни опыта игры на ней. Но Кларк обещал найти ему какой-то инструмент, и вскоре подогнал вполне сносный Led Star и древнюю, убитую прищепку «Лель», которая вызывала характерный фон в колонках. Этот хрипловатый звук знаком каждому, кто когда-либо имел дело с советскими гитарными педалями. Грек, Кондрат и Кларк начали играть втроем в общаге на Фестивальной улице. Это еще не был TRACKTOR BOWLING, но тем не менее, уже тогда они начали наигрывать темы для будущих песен группы. Вкусы участников группы четко сходились в одной точке. Ее можно обозначить двумя координатами: Downset и Biohazard. В этом направлении они и стали работать.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Делать мне было тогда нехера, я нигде не работал и не учился. Поэтому каждый день я приезжал к трем часам в музыкалку и играл. Если там была репа «АБІ», то мы играли до нее и после нее. Если не было, то целый день. Особенно много мне дало общение с Греком. Он хорошо меня натаскивал, показывал какие-то фишки. Я помню, какой переворот у меня в голове случился, когда Грек мне сказал, что Soundgarden играют в пониженном строе. Я просто был в шоке. Все, что я считал единственно верным, а именно классический строй в «Ми», разрушилось в хлам.

Грек был фанатом, он мог часами сидеть и снимать гитарные ходы любимых групп. Обладая отличным слухом, он сперва подбирал гитарный строй, а потом учился в нем играть нужные риффы и переборы. Это напоминало работу опытного медвежатника со сложным сейфом. Сначала изучаешь систему, принципы работы, а потом подбираешь комбинацию. Все для того, чтобы услышать в стетоскопе нужный щелчок, за которым тебя ждет награда. В случае с Греком наградой был подобранный трек, который ложился в его копилку знаний, пополняя набор приемов, фишек и ключей для игры. Под влиянием Грека Кондрат тоже опустил строй, и они стали играть в «до диез».

Музыка уже худо-бедно получалась, и парни решили искать вокалиста и басиста. Первым кандидатом на место у микрофона оказался Паша Овчаров. Он играл на гитаре в известной тогда группе Crocodile TX. После нескольких репетиций стало ясно, что Паша был на уровень выше всех, и вытянуть парней в одиночку не мог. Он довольно быстро ушел. Басистом взяли парня по имени Ваня, одноклассника Кларка. Того самого, который дал Кондрату гитару. Но Ваня тоже слился. Его жена была не в восторге от таких поигрушек в студенческой общаге. Свежеиспеченный армянский тесть быстро взял его в оборот и пристроил в семейный бизнес. Слив Ивана сопровождался жесткими шутками про торговлю бараниной и шашлыком на Киевском вокзале.

А потом начались проблемы с начальством. Директор общежития давно напрягался на Грека, что тот пускает в музыкалку кого попало. Его главная претензия была в том, что никто из тех людей, которые громко играют и не менее громко пьют в помещении общежития, не имеют отношения ни к университету, ни даже к гражданской авиации. В итоге группу поперли, а директор расформировал музыкалку и пустил туда жить каких-то своих знакомых. Чуваки на какое-то время остались без места для репетиций, а весь аппарат перевезли в Матвеевку.

Так продолжалось пару месяцев, пока в группе не появился вокалист Дмитрий Петров. Как именно он появился не помнит никто, включая его самого. Вроде как через Кларка. Петров был скинхэдом и тусовался с суровыми правыми парнями. Скины тогда только появлялись в Москве, но уже начинали накрывать концерты и мочить без разбора всех, кто выглядел не так, как им казалось правильным. Попасть под замес было очень легко. Широкие штаны, пара лишних сережек в ушах, борода, крашенные волосы, не дай бог дреды – такой пассажир быстро сбивался с ног и был жестоко бит. Почему? Просто так было принято. Потому что, по их мнению, русский человек должен быть, если уж не бритым наголо, то хотя бы иметь аккуратную стрижку и носить скромную одежду. А всех, кто не вписывается в эту визуальную схему, необходимо было выжигать каленым железом и бить тяжелыми ботинками. Петров был неправильным скином. Да, он цитировал Ницше, но вместе с тем любил Cypress Hill и хип-хоп. Как и его друзья, он ходил в качалку, не пил и не курил. Башню ему рвало и без алкоголя.

Дмитрий Петров

Я уходил в армию в 1991 году из Советского Союза, а вернулся вообще непонятно куда. Меня тогда обуревали разные чувства, я постоянно что-то искал. На почве постоянных драк с чурбанами в армейке меня неплохо переклинило, и на гражданке я быстро сошелся с правыми парнями. Агрессивность культуры скинхедов накладывалась на мою собственную несдержанность. Я тогда был вообще неуправляемый. Дрался постоянно, кулаки не заживали. Поводом могло быть что угодно, от словесной перепалки до неправильного взгляда.

Несмотря на боевое хобби, Дмитрий был очень музыкальным парнем. Еще один факт в пользу того, что он был неправильным скинхэдом. Музыкального образования Дима не имел, но хорошо владел контрабасом. Он играл быструю кантри-музыку, стиль Bluegrass в одном ресторанном бэнде и даже зарабатывал этим неплохие деньги. Почему его позвали в группу не басистом, а вокалистом, история умалчивает. На бас-гитару взяли Леню Голубева, сильного музыканта с хорошей техникой игры слэпом.

Но Голубев ненадолго задержался в группе, вскоре его сменил Илья по кличке Качан. Интеллигентный образ Качана сильно выделялся на фоне других участников группы. В неформальной среде считалось, что чем неопрятнее выглядит человек, тем лучше. А Илья был круглолицым, розовощеким парнем с аккуратной стрижкой. Кроме того, он был весьма зажиточным чуваком. Наверное одним из первых представителей московской золотой молодежи. Он вел богемный образ жизни: хорошая машина, хорошая бас-гитара, девочки, алкоголь, кокаин. Илья работал в магазине по продаже дорогой одежды и не знал, что такое трудности жизни.

Зная о проблемах с пропиской, Петров сразу предложил парням переехать на его базу. Она находилась в подвале жилого дома на Бережковской набережной, недалеко от Киевского

вокзала. Это было аутентичное бомбоубежище в сталинском доме, рассчитанное на прямое попадание снаряда. Чтобы зайти на базу, надо было довольно глубоко спуститься в подвал, по пути отворяя тяжелые металлические двери как в игре Wolfenstein. Здание было сделано с той же основательностью, что и все постройки времен вождя народов. По Москве было много таких подвальных репетиционных баз. Схема получения помещения была простой, наивной и в наше время просто невозможной. Парни шли в ЖЭК или ДЭЗ, в общем, в управляющую контору, и просили разрешения занять пустующее подвальное помещение взамен на сохранение порядка, мира и спокойствия жильцов дома. Тогда еще коммунальщики не додумались сдавать все возможные площади в аренду. Их больше заботила перспектива возможной прописки бомжей. Они предпочитали пустить в подвал молодежь, чем потом гонять оттуда дурнопахнущих людей, которые круглый год ходят в теплой одежде.

Получив подвал, чуваки отскребли говно, вымели пол, звукоизолировали стены и занесли оборудование. Помещение представляло из себя небольшую клаустрофобическую комнату в форме буквы «Г». Где-то потолок был низкий, а где-то наоборот с трубами на трехметровой высоте. Все возможные поверхности были обклеены кассетами из-под яиц. Их доставали сразу оптом на каком-то складе, и часть кассет была испачкана остатками невылупившихся птенцов. Постоянные обитатели подвала были привыкшими ко всему, а гости (особенно девушки) порой откладывали кирпича, глядя на то, как полукилограммовые подвальные крысы ходили по трубам, обклеенным яичными кассетами, и жрали налипшие на них остатки белковых масс.

Состав в группе подобрался интересный. Дикий скинхэд Петров на вокале, Кларк – барабанщик-самоучка с нестандартным ритмическим мышлением, технарь-Кондратьев на одной гитаре и мелодичный Банасиос на другой. Несмотря на образ мальчика-мажора, Илья играл на басу весьма неплохо. Когда ему было особенно в кайф, он раздевался по пояс, вставал на стул и рубился, едва не задевая головой трубы под трехметровым потолком.

Константин (Кларк) Ковров

Я тогда был молодым и неискушенным в приеме разных веществ. Помню, как-то смотрел и не понимал, что происходит. Качан играет, играет, а потом голова клонится к грифу, и он перестает играть. Оказалось, что он просто залипал под веществами.

Дмитрий Петров

Мы репетировали очень часто, были просто помешаны на музыке, особенно Кондрат. Ему вообще башню несло. Он жил только музыкой и баскетболом. Очень плотно следил за чемпионатом NBA, все выписывал, учитывал. Саня вообще очень дотошный и педантичный. Я помню, как продал ему гитарный процессор Korg. У меня он был в каком-то ужасном, засранном состоянии. На следующую репетицию Кондрат принес его идеально чистым, новеньким. Он даже аккуратно нарисовал черточки на крутилках белой замазкой для тетрадей. В таком подходе и есть весь Кондрат.

Качан водил знакомства с самыми разными людьми, среди которых было много полезных персонажей. Например, Стас Зализняк, который тогда был директором группы Jack Action и делал много концертов в «Р-Клубе». Илья заявил, что может спокойно устроить им выступление в «Р-Клубе», который тогда находился на улице Талалихина, метро «Волгоградский проспект». Они играли уже больше года, но у группы не было ни одной законченной песни со словами.

Александр (Кондрат) Кондратьев

У нас не было текстов. Петров орал какую-то рыбу. Я даже не помню, что это за песни были, у них вроде даже названий не было.

Дмитрий Петров

Я пел на тарабарском языке с английским акцентом. Я для себя запомнил определенные реперные точки и пел там псевдоанглийские словосочетания, а в остальном «текст» мог меняться. Вообще мы старались ориентироваться на что-то подобное Downset, где текст

чуть-чуть читался, а в основном орался. Петь считалось лоховством. Чем мощнее ты орешь, тем лучше. И на репетициях я так надрылся, что потом почти сутки не мог разговаривать. Конечно, я пел неправильно, не по технике, но от души. Не играл.

Первый концерт группы наметили на 29 сентября 1996 года в «Р-Клубе». Зализняк вписал их на разогрев к группе Epilepsy Bout. К тому моменту они уже выходили на сборнике «Учитесь плавать» и были довольно известной командой. В отличие от тех, кто читал рэп-кор, они уже начинали петь, при этом мелодично интонируя. Это смотрелось оригинально. «Эпилептики» как раз презентовали свой первый альбом, и выступить перед ними было бы неплохим стартом для группы.

Но надо было придумать название. Как ни странно, его еще не было. В то время самым модным источником информации о тяжелой музыке было движение Александра Ф. Скляра «Учитесь плавать». Все, кто звучал в эфире «УП», выступал на его фестивалях в «Горбушке», выпускался на сборниках, впоследствии становились известными: I.F.K., Zdob Si Zdub, Crocodile TX, Epilepsy Bout и другие. Соответственно, название чуваки придумывали с оглядкой на группы, выступающие на «УП». Перед ними стояла задача придумать модное, звучное название из двух английских слов.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Я сидел дома ночью с тетрадкой и выписывал из английского словаря более-менее интересные слова, а потом пытался составить их вместе. Языка я не знал, поэтому мне было пофигу, что они значат. И тут мне звонит Кларк и говорит: «Саня, у тебя «Евроспорт» есть? Включи!» Я включаю, а там показывают соревнования. Большие, прокачанные трактора на скорость таскают какие-то огромные грузы. И этот вид спорта назывался Tractor Pulling. Кларк мне орет в ухо: «Вот же! Вот! Охеренное название! Только вот этот «пулинг» мне не нравится. Давай заменим на боулинг». А я думаю, что за дичь? При чем тут трактор и боулинг?

Кондратьеву не очень нравилось это словосочетание. Мало того, что слова друг с другом не связаны, так еще и «трактор» – дико совковое слово. А они как раз противопоставляли себя Совку. Но Кларк все же уговорил его, сказав, что слово «трактор» можно писать не правильно, через «си кей» – Tracktor, и никто не прикопается, что это Совок. Когда на следующий день выдали это название Греку, то он поддержал. Так, путем условной демократии было принято решение назвать группу TRACKTOR BOWLING.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Меня всю дорогу смущало это название и, наверное, смущает по сей день. Были даже мысли по-русски назваться, все же мы русская группа. А вообще, самое крутое название группы на русском, которое я слышал, – это «Грунт». Мне безумно нравилось это слово, но такая группа уже была. Я еще подумал: «Вот сволочи, заняли название». Потом, когда нас стали называть просто «Трактора» или «Трактор», я успокоился.

В принципе группа была готова к концерту, если не считать отсутствия текстов. Но это большой проблемой не считали. Все равно Петров орал так, что разобрать ничего было нельзя. На первом концерте в зале было довольно много народу. Люди узнавали о предстоящих концертах из уличных афиш и журнала «Досуг». Прочитав объявление о том, что в «Р-Клубе» будет выступать Epilepsy Bout, на концерт пришел басист группы «Мата Гона» Виталий Демиденко, которому в будущем предстояло сыграть важную роль в жизни TRACKTOR BOWLING. На входе в клуб он услышал какой-то утробный низкий звук и запредельную агрессию, летящую со сцены. Это выступала группа разогрева – TRACKTOR BOWLING. Поежившись, Вит вошел в зал и встал у колонны, недалеко от сцены.

А на сцене творился сущий ад. Парни, одетые в спортивные костюмы Adidas, рубились как в последний раз. К этому концерту группа была уже хорошо сыграна, и они действительно качали. Впереди скакал Петров, стокилограммовый скинхэд в натовских штанах, берцах и с

черными подтяжками поверх серой футболки. Его дикие глаза были полны агрессии. Натуральный фашист-беспредельщик! Он люто бесился и орал в микрофон, напрягая все мышцы тела. Петров соскочил со сцены и стал творить дичь уже в зале. Схватил какого-то парня за грудки, прижал его к колонне, едва не подняв от земли, и орал ему в рожу. Чувак от страха чуть не плакал.

Вит стоял рядом и ошалело наблюдал за действиями вокалиста. Закончив плевать в лицо бедняге, Петров вернулся на сцену. Засадил пинчину Греку, толкнул Кондрата и так дико заорал в микрофон, будто хотел лопнуть от натуги. И если бы он действительно порвался, забросав окружающих плотью и обрывками одежды, то никто бы не удивился. Это стало бы логичным завершением такого мощного выступления.

Глава 2

Обычно первое выступление для группы – это концерт в школьном актовом зале или каком-нибудь левом клубе, где из слушателей только несколько друзей и бармен. А тут «Р-Клуб», достаточно раскрученная рок-площадка того времени и почти аншлаг. Кажется, парни и сами не ожидали такого мощного старта. Нельзя сказать, что они были сильнее хэдлайнера, но впечатление произвести смогли. Позже Виталий Демиденко охарактеризует его как «неизгладимое». Зрители в зале пришли в основном на Epilepsy Bout, но, неожиданно для себя, впитали свежую энергию молодой группы со странным названием TRACKTOR BOWLING.

Афанасий (Грек) Банасиос

У меня к этому времени уже был приличный концертный опыт в Греции, до отъезда я играл в довольно популярной группе и уже выступал на крупных площадках. Но то, что случилось тогда в Москве, это было что-то особенное. Мы фактически создавали стиль с нуля. И у нас получалось.

«Трактор» образца девяносто шестого года был мало похож на другие альтернативные группы. Яростная подача сочеталась с вязкими, тягучими гитарными риффами и нестандартными ритмами Кларка. Эта музыка могла нравиться или нет, но равнодушных она не оставляла.

Афанасий (Грек) Банасиос

Там были Соня и Катя Горчаковы из группы «АЫ», они все время визжали и орали А-ФА-НА-СИЙ! Не знаю, может это был такой прикол, но в какой-то момент весь зал стал кричать ГРЕК! ГРЕК! ГРЕК! Еще и Петров постоянно тормозил меня, сбивал. Он был огромный, а я худой-худой, летал от него по сцене. Все это смешалось в одну сильную эмоцию. Сам концерт мне вспоминается только яркими флешбеками, но это было очень, очень круто.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Я помню, что дико боялся выходить на сцену. У Грека был опыт выступления, Кларк вообще их штук сто отыграл, и ему все было похеру, а я жутко волновался. Я и сейчас каждый раз испытываю стресс перед концертом, он проходит только тогда, когда я выхожу на сцену и первый раз касаюсь струн. А в тот момент, конечно, меня не отпустило с первыми звуками гитары. Очень-очень нервно концерт прошел, да и после выступления я тоже никаких звезд не ловил. Я всегда считал и считаю, что концерт прошел удачно только в том случае, если он дал положительный толчок для группы. В этом смысле, да, первое выступление было успешным.

Дима Петров пригласил на концерт своих друзей-скинхедов, которые все время шугали народ в зале и даже кому-то накернили в течение вечера. После этого за «Тракторами» на какое-то время закрепилась слава опасных парней, с которыми лучше не связываться. Собственно, один вид вокалиста и его дикие выходки говорили в пользу имиджа беспредельщиков. У группы даже начал формироваться небольшой фан-клуб. Но в него вошли не лютые скинхеды Петрова, а друзья с Бережков и из Матвеевки. Каждая репа TRACKTOR BOWLING собирала небольшую тусу и напоминала эксклюзивный концерт для избранных. Кого попало, конечно, в подвал не пускали, иметь допуск считалось очень почетным. Был даже специальный диванчик, на котором избранные персонажи могли сидеть и наблюдать за репетицией. Гости выпивали напитки разной крепости и периодически бегали отлить в сортир, украшенный большим плакатом Ольги Кормухиной. Среди тех, кто имел допуск к коммунальным благам реп-базы, был некто Лось, хороший друг Петрова и преданный фанат группы. Казалось, что диван для избранных имел характерные вмятины по очертаниям его задницы, так часто он бывал на репетициях. Лось был забавным, но не самым везучим малым. Как-то раз он пришел на репу, выпил дежурную бутылку пива и вышел. Кажется, чтобы купить еще одну. Но через пять минут вернулся назад ошалелый и бледный. Из его ляжки торчала рукоятка ножа. Оказалось, что он

курил у подъезда, когда подкатил черный тонированный мерседес. Это были клиенты Нанайца, ныне покойного драг-дилера, жившего в этом подъезде. Они что-то спросили у Лося, а тот, не долго подбирая слова, указал им в направлении леса. Мужики не стали спорить и уточнять дорогу. Один чувак молча вышел, воткнул нож в ногу Лося, также молча сел в машину, и они уехали. Такие суровые гости были в этом доме не редкостью. Конечно, Лося пыряли не каждый раз, но определенная опасность получить заточкой в ногу существовала всегда.

Нельзя сказать, что народ из тракторовской тусовки специально искал приключения. Просто это была Москва девяносто шестого года, и этим все сказано. Когда-нибудь социологи и культурологи еще подвергнут анализу влияние девяностых годов на развитие российского общества. С падением СССР упали и барьеры, все вырвалось на свободу. Как в научном эксперименте: что будет, если людям позволить абсолютно все. Конечно, формально законы существовали, но их суровость, как обычно, компенсировалась необязательностью выполнения. Одни люди пошли торговать, другие – пырять Лося в ногу, а третьи всецело отдали себя творчеству. В такой среде не обошлось без потерь, но то, что создавалось в те бесшабашные годы, имело право претендовать на вечность. У людей было ощущение, что все пути открыты, и при должном упорстве ты можешь добиться всего. Это опьяняло.

О бесконечности «Трактора» тогда еще не думали, но удачный дебют, безусловно, их воодушевил. Они понимали, что надо развивать успех, репетировать, создавать новые треки, выступать. С сочинением музыки у них никогда не было проблем. Грек с Кондратом просто фонтанировали, на каждую репетицию они приносили новые риффы и ходы. Илья их быстро подхватывал, ему ничего не надо было объяснять. Кларк тут же создавал интересный ритмический рисунок и оставалось только гонять, оттачивать песню. Они кайфовали от самого процесса. Сейчас молодые группы сразу думают о записи альбома, съемках, ротации на радио и гастролях, а «Трактора» плохо представляли, к чему стремиться. У каждого из них было довольно приземленное понимание успеха. Кондрату не надо было от жизни ничего, он просто хотел играть. Греку тоже, но с оговоркой: он хотел играть самую крутую музыку. Для Кларка мерилом успеха был полный зал на концерте. У Качана и так было все, что есть у рок-звезд: крутая тачка, бабло и кокаин. А вот с Петровым было сложнее.

Дмитрий Петров

Для меня этот концерт стал переломным моментом. После него я недели две летал в эйфории, настолько он был успешным. Мне казалось, что круче мы уже вряд ли что-то сделаем. Не знаю, как по мировым меркам, но на постсоветском пространстве мы убивали всех. Во всяком случае, так я тогда считал. Я всерьез думал о том, что надо либо уезжать с этой музыкой за рубеж и продолжать развиваться там, либо закрывать все нахрен и больше ничего не делать. Я настолько выложился на том выступлении, что вряд ли когда-либо смог бы это повторить. Я не представлял, как можно выступать раз за разом с такой же нечеловеческой отдачей. Если постоянно поешь на разрыв аорты, то ты либо ее разорвешь, в конце концов, либо загрубеешь и не будешь ничем отличаться от всех этих попсовых исполнителей.

Когда двухнедельная эйфория прошла, он начал грузиться. Не знал, что делать дальше и, главное, зачем. В его голове началось глобальное переосмысление всего, чем он жил, и концерт в «Р-Клубе» сыграл в этом не последнюю роль. Дима начал воцерковление, все больше внимания уделяя мыслям о Боге. Очередной пункт в пользу «неправильности» скинхеда Дмитрия Петрова. Кроме того, он планировал жениться и завязать с разухабистой рок-н-рольной жизнью. Все эти внутренние переживания вылились в то, что он принял решение расстаться и со скинхедами, и с группой.

Дмитрий Петров

Вдобавок ко всему, у меня начались проблемы со здоровьем. Вернее, я просто не мог больше так дико орать. После каждой репетиции у меня практически исчезал голос и очень

болела голова. Просто раскалывалась, будто я не на репетиции был, а стоял 12 раундов против Рокки Бальбоа. Так не могло дальше продолжаться.

На очередной репетиции он сообщил парням, что больше не сможет петь в группе, и это окончательно. Такой поворот, конечно, не вписывался в их планы. Они жили на подъеме, уже планировали следующие концерты, а тут такие новости. Но расставание прошло мирно, без конфликтов, и они стали играть вчетвером: Кондрат, Грек, Кларк и Илья Качан.

Для поиска нового вокалиста решили использовать самый ходовой на тот момент способ. Они клеили аналоговые объявления с текстом, вроде такого: «Группа, играющая в стиле Biohazard и Downset, ищет вокалиста». Там же давались домашние телефоны Кондрата и Кларка. Объявления лепили в местах обитания целевой аудитории. В первую очередь, это «Горбушка», «Рок-лаборатория» и «Р-Клуб». Туда приезжали неформалы со всей Москвы почитать свежие новости. Из афиш узнавали о предстоящих концертах, а из объявлений, о вакансиях на жидком рынке музыкального труда. Еще один хороший способ найти музыканта – скинуть объявление на пейджер в программу «Учитесь плавать», где Скляр их регулярно зачитывал в эфире. Программа «Учитесь плавать» шла на радио «Максимум» по четвергам в одиннадцать вечера. Тогда ее слушали все: и металлисты, и панки, и, тем более, альтернативщики.

Андрей (Чегевара) Мельников

Как-то я слушал «Учитесь плавать», и там зачитали объявление: «Группа, играющая тяжелую альтернативную музыку, ищет вокалиста» и продиктовали телефон. А у меня тогда в жизни был достаточно депрессивный период, и чтобы не впасть в отчаяние, я хотел заняться чем-то новым. Подумал, почему бы не попробовать.

Андрей позвонил по указанному телефону, это оказался номер Кондрата. Тот рассказал, что группа играет в стиле Downset, и они ищут вокалиста, который будет соответствовать этому направлению. Кондрат позвал его на прослушивание, и назначил встречу на Киевской.

Андрей (Чегевара) Мельников

Я тогда тусовался с футбольными хулиганами и выглядел соответственно: ботинки Dr. Martens, узкие джинсы, бомбер и бандана на голове. Я пришел в условленное место и увидел там двух мужиков лет по тридцать. По их недовольным взглядам я прочитал: «Ну вот, опять какой-то чмошник приперся». Меня тогда их реакция неплохо высадила. Сразу испортилось настроение, и я подумал, что с ними скорее всего ничего не сложится. Еще и одеты они были просто как мужики, которые идут с подработки. Какие-то колхозные куртки, шапки, а здоровый Кларк вообще показался мне гопарем из Подмосковья.

Кларк с Кондратом шли с Киевской до базы, а Андрей уныло семенил за ними. На нем лица не было, он вообще сомневался, что попал по адресу. Какие-то взрослые дядьки куда-то его ведут. Не иначе, как почку вырежут или лишат его мальчишеской чести. Вот сталинский дом, подъезд, подвал. Ну все. А он даже никому не сказал куда едет и где его искать.

Андрей (Чегевара) Мельников

Я успокоился только когда увидел аппарат. Значит, действительно группа. Кондрат спросил меня: «Ну хоть микрофон-то у тебя есть?» По его интонации я понял, что до меня уже приходили люди, и они теперь ищут вокалиста с определенными требованиями. К счастью, у меня был с собой Shure SM 58.

Мельникову на тот момент было восемнадцать лет, и чуваки из TRACKTOR BOWLING действительно показались ему взрослыми мужиками. Он старался бодриться и не подавать вида, что растерян. Когда пришел Грек, Андрею полегчало. У Афанасия на тот момент были длинные волосы, он носил модные заграничные шмотки и выглядел самым продвинутым в группе. К тому же у него был настоящий Fender, о котором Чегевара слышал только легенды.

Андрей (Чегевара) Мельников

Когда они начали играть, я просто охерел. Я представить даже не мог, что эти чуваки могут так круто рубить. Я стоял и думал: «Что я вообще тут делаю?»

Они прогнали несколько треков. Андрей взял себя в руки и довольно неплохо порыбил под них на тарабарском языке, а кое-где даже вставил несколько четверостиший.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Когда Андрюха уехал, мы с Кларком и Греком очень быстро сошлись во мнении, что его надо брать. Он вел себя довольно раскованно и прикольно скакал, когда пел. Для нас было крайне важно, чтобы вокалист нормально выглядел и не стоял столбом у микрофона. Решили, что на тот момент он нам идеально подходит.

Чегеваре не зря показалось, что он не первый претендует на место у микрофона. Едва ли не каждую репетицию в подвал на Бережках приходил новый соискатель. В основном, это были люди из другой музыки, и они просто не понимали, чего от них хотят. Рокеры, волосатые металлисты, просто левые пассажиры, все были слиты после первого же прослушивания. А молодой Андрей Мельников выглядел симпатично и ориентировался в музле. У них даже прошло несколько совместных репетиций, но Чегевара все же решил уйти.

Андрей (Чегевара) Мельников

Мне в принципе понравилось, что они играют, но я подумал, что скорее всего не справлюсь. У них на репетициях была очень серьезная атмосфера, они приходили и просто рубили, гоняли по кругу треки, разбирали сложные места. В общем, работали. Конечно, я понимал, что во взрослых группах по-другому и не может быть, но тогда я был совсем молодым, и мне было скучно так впахивать. А тут меня позвали в группу знакомые ребята. Они были моего возраста, и у них на репах была расслабленная атмосфера с пивом и девчонками. Ну и музыка их была мне поближе, что-то в стиле Biohazard.

Чегевара ушел, а у «Тракторов» возникли проблемы посерьезнее, чем пустое место у микрофона. База в подвале дома на Бережковской набережной была хороша всем, кроме постоянного. Это был самый что ни на есть подвал, со всеми вытекающими. Периодически старую систему прорывало, и подвал затапливало. Хорошо, когда это был водопровод, но случалось, что рвало и канализацию. Парни периодически приходили в залитое помещение и вместо того, чтобы репетировать, занимались ассенизаторской работой. Они брали лопаты и выгребали из комнаты органические субстанции, стараясь не думать об их составе. Чтобы не загубить аппарат, его изначально ставили на ящики и всякие возвышения.

Константин (Кларк) Ковров

Я тогда носил высокие ботинки Dr. Martens, и, порой, я в них с трудом мог войти в комнату. Мне приходилось очень плотно зашнуровываться, чтобы не черпануть воды. Это, конечно, был трешак.

Жизнь на базе могла продолжаться только благодаря хорошей вентиляции, которая справлялась с запахом. В свое время пришлось изрядно помучиться, чтобы наладить оборот воздуха в помещении. Изначально в подвале стояла старинная система, которая приводилась в движение едва ли не вручную. Но она, естественно, не работала, и в помещении было очень душно и влажно. За базу отвечал парень по имени Денис. Он приложил немало усилий, чтобы наладить приток воздуха. Прочистил трубы и присоединил к системе электродвигатель, который вращал лопасти вентилятора в воздуховоде. По всему стояку в подъезде был слышен небольшой гул от движка, то зато на базе теперь можно было спокойно дышать и даже курить. Весь дым и смрад оперативно вытягивались в трубу.

Но коммунальные проблемы – это еще полбеды, с ними худо-бедно можно было жить. Социальные были куда сложнее. Подвал в доме был огромный, а музыканты занимали только небольшую его часть. Конечно, их нельзя было назвать хорошими соседями для жильцов первого этажа, но в одном из подвальных помещений поселились персонажи похуже. Его облюбовали малолетние оболтусы, которые все время пьянствовали, курили и творили непотребства.

В один момент их там поймали сотрудники ЖКХ и приняли радикальные меры по восстановлению морального облика жилого дома.

Афанасий (Грек) Банасиос

Однажды мне позвонил злой Кларк и сказал, что подвал заблокировали. Все наше барахло осталось на базе, в которую теперь нельзя было попасть. Какие-то малолетки ишизили в подвале, и домоуправление приказало заварить вход.

Чтобы дозвониться до Грека, надо было пройти серьезный квест. Он жил в общежитии, и телефон был только на вахте. Звонили вахтеру, чтобы тот передал Греку, что в определенный час он должен быть у телефона. Естественно, таким сложным способом связи пользовались только в экстренных случаях, и это был как раз такой случай. Кларк сказал, чтобы ночью Афанасий приехал на Бережковку, они будут проворачивать спецоперацию по спасению аппарата.

Парни договорились со знакомым водилой из Матвеевки, чтобы тот около полуночи подогнал машину к подъезду. Они спустились в подвал и грубо сломали дверь монтировками. Хорошо, что сварщик поленился и лишь прихватил металл в нескольких точках. Они зашли в свое помещение и вынесли все, что имело практическую ценность для группы. Конечно, не весь аппарат принадлежал «Тракторам», но к тому времени остальные группы, игравшие на этой базе, уже перестали репетировать или распались. Единственным, у кого можно было спросить разрешение, был Дима Петров. Он поддержал парней и дал добро на эвакуацию с экспроприацией. На тот момент это было единственно верное решение. Надо было спасать имущество, иначе бы все пропало. Так группа разжигалась дополнительным оборудованием, но лишилась базы.

Всю аппаратуру и барабаны опять вывезли в Матвеевку и разместили по своим квартирам и у знакомых. Район «Матвеевский» вообще всегда был опорным пунктом группы TRACKTOR BOWLING. Можно сказать, что «Трактор» оттуда родом. Там изначально жили и тусовались Кондрат с Кларком, а позже в Матвеевке стал обитать и Грек. Когда Кларк с ним подружился, то в первую очередь подтянул его в свою тусовку. В свободное от репетиций и учебы время Афанасий отправлялся на Киевский вокзал, садился в электричку и ехал на станцию «Матвеевская». Ехать было недалеко, всего минут десять. На этих тусовках с отвязными матвеевскими парнями Грек в совершенстве овладел русским языком, включая сленг и самые жесткие выражения. Но самое главное, он полюбил Москву и русских людей.

Пока аппаратура квартировалась в Матвеевке, парни активно искали новую базу, играя по съемным репетиционным точкам в разных концах Москвы. В это время Стас Зализняк предложил им поучаствовать в сборнике Alternative Invasion Vol. 1. Это, конечно, не «Учитесь плавать», но для молодой группы, которая ничего еще в жизни не видела, это была хорошая возможность дополнительно засветиться. На этом сборнике были в основном группы, выступавшие тогда в «Р-Клубе». Распространялись кассеты там же, на концертах. Условия были демократичные, никто им не обещал денег от продаж, но и не просил заплатить за участие. Надо было записать для Стаса пару треков, но что записывать, если нет текстов? С позицией вокалиста была вообще беда. Единственного нормального нашли, и тот слился. После долгих раздумий они все же решили уговорить Чегевару хотя бы на запись двух песен для сборника. Надо сказать, что Мельников ломался не долго. За месяц репетиций с новой группой эти друзья уже успели его порядком достать. Он, конечно, любил потусоваться и расслабиться, но не настолько же. Репы проходили один в один как в сериале «Элен и ребята». Чуваки пару раз брали в руки инструменты, а все остальное время просто страдали фигней, позировали перед подружками и пили пивчагу. Андрей решил, что можно помочь парням, тем более, ему было интересно получить новый опыт работы в студии. А уйти потом всегда можно будет.

«Трактора» тогда временно репетировали в школе в Матвеевке. Они схематично оборудовали обычный учебный класс и играли там едва ли не каждый вечер. В это время парни стали замечать, что с Качаном происходит что-то неладное. Он стал куда-то теряться, пропускать

репетиции, с ним было невозможно связаться. Вскоре Илья пропал совсем. Видимо, работа и богемная жизнь отнимали у него слишком много времени и энергии. На группу сил просто не оставалось. Вместо него на место басиста опять позвали Леонида Голубева, с которым они уже успели немного порепетировать в общаге на Фестивальной. Леня был хорошим музыкантом и играл в довольно известной группе Niklaus, которая впоследствии трансформировалась в Mad Dog. Он сразу сказал, что готов поиграть в «Тракторе», но не в ущерб «Никлаусу». Если репетиции или концерты будут накладываться, то он – пас.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Леня имел музыкальное образование и обладал неплохим концертным опытом. На первой же репетиции он пошел мочить слэпом. Это мне не очень нравилось, конечно, но играл он хорошо. В то время вообще толковых басистов было не много, и Леня был одним из них.

Опять начались репетиции в полном составе. Сначала Чегевара пытался идти по пути Петрова, петь на тарабарском языке с английским акцентом. Но результат был не очень.

Афанасий (Грек) Банасиос

Мы как-то сидели, обсуждали это, и я спросил Андрея: «Ты вообще понимаешь, что ты поешь?» Он сказал, что нет. Ну так почему бы не сделать песни на том языке, который понимают все вокруг? Это будет лучше и правильнее. После этого разговора он принес два текста.

С готовыми треками они направились в Гнесинское музыкальное училище. Там в подвале находилась студия ТЕФ. Писались в два приема. За первый день полностью прописали весь инструментал, а на следующий – вокальные партии Чегевары. Из-за нехватки денег (час работы в студии стоил около пятнадцати долларов) инструменты записывали не по отдельности, а все одновременно.

Андрей (Чегевара) Мельников

Вариантов записать что-то особенно крутое у нас не было. Студийное время стоило дорого, а денег было мало.

Когда звукач дал им готовые, сведенные треки, парни их забраковали. Ему пришлось пересводить материал еще два раза. Но финальный, одобренный продукт оказался вполне приличным по тем временам.

Афанасий (Грек) Банасиос

Когда я ездил домой в Грецию на каникулы, то давал эти треки слушать разным крутым музыкантам, и им очень нравилось. Я даже как-то отдал записи на радио в Афинах, и меня пригласили в эфир. Сидел в студии, рассказывал про TRACKTOR BOWLING, московскую альтернативную движуху, ставил наши треки. И людям нравилось, они звонили в эфир, хвалили.

После выхода сборника, как и ожидалось, особого всплеска популярности группа не ощутила. Такие кассеты обычно продаются тиражом в сто экземпляров и новых звезд не открывают. Но зато Зализняк стал приглашать TRACKTOR BOWLING на свои концерты в «Р-Клуб». Кроме того, за время работы над треками Андрей Чегевара прикипел к группе и не стал уходить по истечении условного контракта.

Глава 3

В «Р-Клубе» концерты молодых групп проходили в основном по будним дням. В пятницу и субботу играли банды посильнее, которые уже имели свою аудиторию. «Трактора» теперь были укомплектованы и начали регулярно выступать. Конечно, эти концерты не имели такого резонанса, как разогрев Epilepsy Bout, они больше походили на репетиции в боевых условиях. Лайн-ап включал пять-семь молодых команд, а в зале присутствовало от тридцати до пятидесяти человек из числа выступающих музыкантов, их друзей и подруг. Чтобы сыграть на таком концерте, группы выкупали определенное количество билетов и самостоятельно распространяли их среди своих поклонников. Кто не продал билеты, тот попал на деньги. При таком раскладе организаторы обеспечивали себе безубыточное мероприятие, а группы получали возможность сыграть перед публикой. Сейчас такая схема встречается все реже, а тогда она составляла основу андеграундного «шоу-бизнеса». Хочешь выступать? Суетись, распространяй флаеры, продавай билеты, приглашай народ. Каждая группа перед концертом получала помеченные флаеры, которые давали небольшую скидку для предъявителя. Потом организаторы их считали и смотрели, сколько от кого пришло.

«Трактором» повезло, их сразу стали воспринимать серьезно. Стас Зализняк и Татьяна Карповская, которые занимались организацией концертов в «Р-Клубе», не заставляли их выкупать билеты и даже не просили тянуть жребий для определения очередности выступлений. Самым почетным считалось играть в середине программы, третьими или четвертыми. Первые группы выступали на полупустой зал, потому что все посетители еще пили пиво возле клуба, а последние вообще играли только для своих. Как только команда отыгрывала, она сваливала вместе с группой поддержки, если такая вообще была. Эта традиция до сих пор чтится на концертах молодых команд. Группы кто как мог изощрялись, чтобы не выступать первыми. То барабанщик якобы забыл дома палочки, то вокалист не приехал, то еще что-то. Находясь на привилегированном положении, TRACKTOR BOWLING сразу определялись в середину программы и избавлялись от этих проблем.

Андрей (Чегевара) Мельников

Мы как-то сразу себя зарекомендовали, и Карповская знала, что если нас позвать, то люди придут. Тридцать, пятьдесят человек, а потом были и такие концерты, когда приходило около сотни. У нас было немного поклонников, но они были преданными и ходили на каждый концерт.

Константин (Кларк) Ковров

Каждый участник группы старался привести на концерт всех своих друзей, знакомых, бегал по району, приглашал народ. Этот момент мы отработывали по-максимуму. Нас часто звали играть в «Р-Клуб», но мы и сами пытались пробивать какие-то тусы. Как-то поймали в «Свалке» пьяного Паштета и предложили ему сделать совместный концерт. Но он начал загибать пальцы, мол, сколько народу приведете, бе-бе-бе. Он всегда был непростым парнем, из какого-то своего мира. В общем, тогда мы не договорились. А с I.F.K. мы начали играть уже позже, когда Зализняк стал их директором.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Нам несколько раз удавалось вписаться на разогрев I.F.K.. В отличие от обычных концертов «Р-Клуба», тут мы играли на полный зал. Это было и круто, и сложно одновременно. Да, перед тобой двести-триста человек, но в течение всего выступления они орут: «Ай-Эф-Кей! Ай-Эф-Кей!»

Павел (Паштет) Филиппенко, первый вокалист I.F.K.

Это было, конечно, не приятно, но мы были к этому привыкшими. Такое было не только в отношении тех, кто играл с нами, но и в отношении нас самих. Когда мы разогревали

Motorhead в Питере в 1997 году, после каждой песни толпа скандировала «На х. й! На х. й! Мо-тор-хэд! Мо-тор-хэд!» На самом деле, мы были в равных условиях и с «Трактором», и еще с девяносто девятью процентами молодых команд. Важно то, как группа справляется с этим давлением.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Мы для себя решили так: пусть они орут, что хотят, но мы выйдем и сыграем на все сто процентов. Хоть на кого-то, но сможем произвести впечатление. Так и вышло, постепенно нас стали узнавать, а количество поклонников начало расти.

Концертная программа TRACKTOR BOWLING состояла из пяти-шести песен и длилась около получаса. Если в первых двух песнях использовались тексты, которые принес Андрей, то последующие создавались на стихи Сергея Никишина, чувака из Матвеевки, который всегда тусовался с «Тракторами». Он имел вид сурового молотобойца, огромный мужик, килограмм сто живого веса. Никто бы не подумал, что человек с такой внешностью может писать неплохие стихи. Схема создания песни была следующей: Никиша приносил текст, который имел четкий размер с куплетами и припевами, а Кондрат с Греком придумывали под него риффы. Конечно, от этого музыка имела заметные ограничения. Обычно альтернативные группы делают наоборот. Сначала придумывают интересную музыку, а потом уже под нее сочиняют текст, который будет укладываться в нужный размер.

Константин (Кларк) Ковров

Чегевара принес два текста для треков «Марионетка» и «Переступая грань», но мне кажется, что он лукавил. Андрюха говорил, что сам их написал, но почему-то больше ничего нового придумать не мог. Так же не бывает. Обычно, если человек пишет тексты, то он может написать больше двух песен. Когда я понял, что Андрей не может писать, то начал тормозить своего соседа Никишу. Он достаточно умный парень, в некоторой степени философ, прочитал кучу книг. И он сочинил нам несколько текстов.

Чегевара хорошо закрепился в роли фронтмена группы, но пошли провалы с позицией басиста. Голубев больше времени уделял группе Niklaus, и для регулярных концертов его надо было иногда заменять. С басистами в то время в Москве было неважно. Все, кто умел хорошо играть, уже были задействованы в одной или нескольких группах. Приходилось выбирать из остальных. Когда поиски толкового музыканта уже стали затягиваться, Чегевара привел на репетицию Олега Радевила, своего приятеля с района.

Адрей (Чегевара) Мельников

Тогда у людей было слабое представление о роли бас-гитары в музыке, но в группе хотели играть все. Я спросил Радевила, умеет ли он играть на басу, и он сказал: «Сумею!» На вопрос, есть ли у него басуха, он ответил: «Найду!» Когда я привел его на репетицию, парни сразу поняли, что он нулевой и сказали, чтобы я завязывал искать басистов.

Но время поджимало, и чуваки все же решились взяться за Радевила. Как говорится, за неимением кухарки, топчут повара. Грек с Кондратом стали объяснять ему басовые партии, немного упрощая слэповые навороты Голубева. Надо отдать должное Олегу, он старался и много упражнялся дома. Конечно, до Лени ему было очень далеко, но совместными усилиями им удалось натаскать его до такого уровня, чтобы можно было выступать.

К этому времени «Трактора» уже успели привыкнуть к проблемам с пропиской. Переезд стал не катастрофой, а нормой жизни. В один момент их поперли из школы в Матвеевке, и они сразу устроились в школе номер 561, на станции метро «Каховская», где жил Чегевара. Музыканты заняли класс на пятом этаже. Помещение было очень большое, и справиться со звуком никак не получалось. Это все равно, что играть в спортзале, когда каждый звук десять раз отражается от стен и пола, превращая музыку в какофонию. Только тренера со свистком не хватало. Они решили уменьшить помещение вдвое и перегородили класс пополам. Установили балки, перекрытия, завесили все какими-то тряпками. Школьный завхоз разрешил им

разобрать навесной потолок в одном из помещений и взять квадратные секции для внутренней отделки базы. Такие потолки «армстронг» сейчас стоят едва ли не в каждом офисе, и материал, из которого они сделаны, отлично поглощает звук.

Директор школы не просил денег, но в счет аренды, обязал группу периодически делать дискотеки для учеников. Кондрату эта идея сразу не понравилась, он чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Забегая вперед, можно сказать, что он был прав. Но вариантов не было, надо было где-то репетировать. Кондратьев побурчал и смирился. Тот, кто помнит дискотеки девяностых, поймет, чего опасался гитарист TRACKTOR BOWLING. Более плотную концентрацию тестостерона, чем на тех дискотеках, можно встретить только на современных боях М1. Это был центр расстановки сил на районе, демонстрация доминирования и подчинения. Все, как в животном мире. К танцам это мероприятие имело очень посредственное отношение. Да, здесь звучала громкая музыка, но она нужна была лишь как необходимый звуковой фон для древнего обряда, во время которого утверждался порядок в пищевой цепи. По традиции, он совершался под самую слащавую, едкую попсу. Крутили не только треки из формата «Русского радио», но даже такие песни, которые не могли попасть на радио по причине их сильнейшего психотропного действия. Говорят, что люди, слушавшие эту музыку в течение трех месяцев, менялись на генном уровне. У парней вырастали надбровные дуги и значительно уплотнялась лобная кость, а девушки уже не могли произносить больше трех слов без нецензурных связок. Такие лютые песни можно было вполне легально купить на сборниках, типа «Танцуй-танцуй 96» или «Дискотека The Best 97». Чтобы собрать более-менее годный трек-лист, парни поднимали на уши всех друзей и знакомых, которые тащили диски и кассеты с нужными композициями. В результате им удалось составить самую страшную подборку из возможных. Если кто-то считает, что рок, металл или панк – это агрессивная музыка, пусть сходит на сельскую дискотеку, а потом, если останется здоровье, на рок-концерт.

В пять вечера в актовом зале стали собираться старшеклассники и старшеклассницы. Помимо них помещение наполнялось пацанами с района и тракторовскими друзьями из Матвеевки. Любой, кто был на подобных мероприятиях, поймет, что это очень сложная расстановка сил, и школьники тут были в самом слабом положении.

Стоит отдельно сказать о районе, где находилась школа – Зюзино, Юго-Западного административного округа Москвы. Здесь повезло вырасти Андрею Мельникову. Именно повезло, потому что до тридцати лет в Зюзино доживали немногие. Из компании Чегевары до настоящего времени дожили всего два-три человека, включая его самого. Многих сгубил алкоголь и наркотики, кого-то замочили в уличных драках. Почти каждый вечер в районе происходили серьезные бои, иногда с летальным исходом. И вот в таком аховом районе «Тракторам» повезло организовать дискотеку.

Андрей (Чегевара) Мельников

У меня трое друзей покончили с собой. Один, когда вернулся с чеченской войны, второй был инвалидом и не выдержал мучений, третий бросился с крыши из-за девушки. Я в какой-то момент остался вообще один. То время в принципе было очень суровым. В моде были всякие бандитские дела, и многие велись на это. Мне еще повезло вовремя уйти от плохой компании. Из моей тусы кто умер, кто сел в тюрьму по дурацости и больше оттуда не вылезал. Кто-то просто спился и опустился на дно. Тогда казалось, что это свобода, но по факту это была ловушка, в которую попало много народу. Надо понимать, что все эти пьянки-гулянки, драки и кражи – это могила.

Заиграла музыка. Присутствующие стали постепенно погружаться в оккультный транс, подкрепленный большим количеством спиртного. Пили обычно перед дискотекой, но некоторое количество пошла проносилось и внутрь, где поглощалось с некоторым, довольно условным, палевом. Школьники, быстро оценив свои шансы, ретировались в первые двадцать минут. Теперь все было по-взрослому. Мелкие стычки и перепалки возникали постоянно. Повод

никто долго не искал. Если человек пришел на дискотеку, то это уже вызов, за который надо отвечать. Не то чтобы там было побоище, но происходящее очень не понравилось директору школы, который лоббировал эту дискотеку.

Александр (Кондрат) Кондратьев

Когда мы возвращались после дискотеки, у нас за спиной завязалась какая-то лютая драка человек на десять, с жуткими криками. Кто-то вызвал милицию, и мы поспешили свалить на такси, от греха. Потом было разбирательство, большой скандал в школе. Я даже не знаю, чем закончился тот замес.

Так группа лишилась очередного места для репетиций. Схема переезда и хранения аппарата была уже налажена. Весь стафф перевезли обратно в Матвеевку и привычно разместили по квартирам. Немного поломав голову, Кларк и Кондрат вспомнили про свою старую тусовку, которая почти в полном составе уехала прожигать жизнь в берлинских сквотах. Эти чуваки раньше играли с парнем по имени Борис. Он остался в Москве и на тот момент заведовал репетиционной базой, находившейся в подвале женской консультации, недалеко от железнодорожной станции «Очаково». С ним удалось быстро договориться за подъемный прайс. С каждого участника группы в месяц получалось что-то около сорока рублей. Но и там они не задержались надолго. Боря сидел на этой базе много лет, но как только там появились «Трактора», ее затопило. История с Бережками повторилась. Это называется «везение». Новую базу Борис нашел буквально за неделю, там же в Очаково. Это помещение бывшего Дома творчества на улице Наташи Ковшовой. На первом этаже раньше располагался сам Дом творчества, а в подвале проходили кружки, где дети познавали искусство в аутентичной обстановке московского андеграунда. К тому моменту, как Борис договорился на использование этого подвала, там никаких детей уже, естественно, не было, как не было и самого Дома творчества. Подвал оказался на удивление сухим и теплым, и парни совместными усилиями довели интерьер до ума. Закупив кассеты для яиц и ковролин, они укутали все помещение, добившись нужного звукопоглощения. Этот подвал оказался окончательным местом прописки «Трактора». Они репетируют в нем до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.